

Т. И. БУТКЕВИЧ

О католической и протестантской миссиях (Доклад, читанный в заседании Особого Совещания при Св. Синоде 27 марта 1908 г.)

<Фрагменты>

<...>

Как ни тяжело, как ни прискорбно, какая боль ни ощущается в сердце, но нужно сознаться, что наша миссия — и внешняя, и внутренняя — далеко не стоит на той высоте, на которой бы ей нужно стоять, особенно в настоящее время. Вы лучше меня знаете, как превратно понята русским обществом дарованная ему пресловутая «веротерпимость»... Она понята не в смысле дарованной всем свободы — каждому устраивать свое спасение тем путем, какой он находит к тому наиболее пригодным и целесообразным, не в смысле дозволения молиться Богу, как кто находит наилучшим и истинным, не в смысле права — верить согласно своим убеждениям и требованию своей религиозной совести, как понимается «веротерпимость» всеми разумными мыслителями и законодателями.

У нас, как это мы видим на каждом шагу, «веротерпимость» понята лишь в смысле дарования иноверцам права безграничной религиозной разнузданности и безнаказанного проявления, в самой грубой форме, крайней враждебности к нашей Православной церкви, а для людей неверующих, для безбожников и атеистов, представился удобный случай порисоваться своим неверием, беспрепятственно кощунствовать, на законном будто бы основании оскорблять верующее сердце благочестивых людей, наполнять наш скудный и жалкий книжный рынок атеистическими и порнографическими «произведениями» продажных и развращенных литературных хулиганов, сеять ядовитые семена нравственного разложения в наших школах, потрясать основы благочестивой жизни православных семейств и т. д. Содрогаешься всем существом

своим, когда живо представляешь себе все те ужасные плоды, которые, не более как в два года, принесло русскому обществу превратное понимание манифеста 17-го апреля!..

Раскольники и сектанты не только подняли голову, но крайне нахально, возмутительно дерзко стали на каждом шагу проявлять свою, ничем не оправдываемую враждебность ко всему, что носит на себе печать православия и церковного благочестия. И их враждебность к Церкви Христовой выражается тем резче и возмутительнее, чем чаще и торжественнее с ними перемигиваются и любезничают наши министры и сановники. В своих газетах и журналах, которые издаются свободно и под такими названиями, что по простоте и неведению их легко принять за православные, они вовсе не разъясняют своих лжеучений и не имеют в виду прямых задач раскола, а опять-таки лишь обнаруживают свою непримиримость и вражду к Церкви Православной. И ложь, и клевета, инсинуации и интриги, — все в их руках оказывается дозволенным и законным. Не пощажен даже и великий молитвенник русской земли — о. Иоанн Сергиев¹. Ни одного номера раскольнического журнала, ни одного листка раскольничьей газеты не приходилось мне видеть без того, чтобы в них не было брошено грязи в этого достойнейшего человека! И чувствуешь, что это делается только по вражде к Церкви Православной, делается только потому, что о. Иоанн — лучший из ее священнослужителей!.. О клевете на Синод, епископов, русских богословов — нет нужды и говорить...

Впрочем, и в лоне Церкви, среди тех лиц, которые еще *считаются* православными, немного приходится видеть отрадного. Газеты наши настолько пропитаны тенденциозно-враждебным христианству или, как справедливо говорят некоторые, «жидовствующим» духом, что их и в руки не хочется брать; а возьмешь — пожалеешь... В окно книжного магазина глянуть нельзя: корыстолюбивые книготорговцы тычут в глаза лишь переводы возмутительных книг Штрауса, Ренана, Фейербаха, Спинозы, а из «произведений» оригинальных можно увидеть только «Религию и проституцию», да брошюры порнографического содержания; на площадях мальчишки навязываются с «Письмом Петрова»²...

А зайдите в церкви — они пустыют; религиозная холодность чувствуется повсюду. И даже в низшем классе, среди крестьян, мещан, фабричных рабочих и мастеровых ложно понятая «свобода совести» обнаруживается особенно грубо: в возмутительном кощунстве, отсутствии уважения к святыням, нахальстве и рас-

путстве*. Обругать непечатную бранью идущего по Невскому проспекту престарелого и почетного православного священника в их глазах — далее похвально; сделать это в присутствии полицейского чиновника — теперь не считается уже и геройством, ибо такие нахалы знают, что полицейский не скажет им ни слова — промолчит, — потому — «свобода совести дана всем»!..

<...> Но что говорить о простом народе? И интеллигенция наша не лучше, если не хуже. Индифферентизм, холодность к вере, мнимо-ученое неверие, незнание вероучения и нравоучения своей родной церкви, презрение к ее духовенству, желание реформировать православие по образцу (главным образом) протестантства или католичества, критические только отношения ко всем обрядам и религиозным обычаям родной страны — вот те самые существенные признаки, которыми характеризуется русский интеллигент!

<...> Но что же — Дума? Члены Государственной Думы — все те же русские интеллигенты! И они ведут себя как интеллигенты: с иноверцами — евреями, католиками, протестантами, раскольниками и сектантами они любезничают и сентиментальничают... Они хотят прослыть гуманными и либеральными... И они слывут таковыми в глазах некоторых. Им хочется быть не русскими, а европейцами — наподобие немцев, англичан и в особенности французов. И они действительно оказываются таковыми, когда им приходится говорить свои длинные речи о чем-либо специфически русском и, в особенности, — о Православной церкви, духовенстве, школе. В этом отношении и Третья Дума недалеко ушла от двух своих предшественниц. Члены Думы весьма сочувственно относятся ко всему враждебному Православной церкви. Они находят справедливым все, что требуют раскольники, сектанты, евреи и поляки; без возражений слушают, как в заседании Думы клеветают на нашу церковь раскольники и католики, не возмущаются их оскорбительным поведением, верят им, будто бы когда-то они были мучениками за веру. Но как только дело касается интересов Православной церкви, члены Думы, даже демонстративно именуя-

* Для подтверждения сказанного привожу факт, сообщаемый газетами (левыми газетами, впрочем, замолчанный): слесарь Петров вошел в храм Св. Троицы в Галерной Гавани (в Петербурге, русской столице) во время священнослужения, не снимая фуражки, прошел к амвону: на глазах присутствующих вынул портсигар с папиросами и закурил; затем начал произносить бранные слова по адресу священника, поносил нецензурными словами религиозные обряды... Отчего ничего подобного не случалось в синагогах, костелах, кирках?..

щие себя православными, совершенно изменяют свое поведение и говорят уже так, как будто бы они и в самом деле атеистические французы... или иноверные по отношению к нам пруссаки... Гуманист превращается в грубого нетерпимца!

Нет, православию не ожидать ничего доброго от Государственной Думы, члены которой самые типичные русские интеллигенты, так же превратно понявшие дарованную нам «веротерпимость», как поняли ее и многие другие, в особенности — раскольники, сектанты и недоучившиеся в гимназиях газетные репортеры...<...>

К протестантам в России всегда относились с такою же благосклонностью, как и к католикам. Как и католики, они всегда и до последнего времени пользовались у нас полною свободою вероисповедания. Они так же, как и католики, где угодно, строили свои кирки*, беспрепятственно отправляли свои богослужения; ради них в Юрьевском университете наше правительство содержит особый богословский факультет и т. д. Чего же еще им нужно в этом отношении? О какой веротерпимости можно еще вести речь? Но я чувствую, что я мало сказал о религиозной свободе протестантов в России. Есть факты (и их много), которые убеждают меня в том, что наше правительство и наши интеллигенты в течение нашей истории относились к протестантам еще с большею благосклонностью и с большею предупредительностью, чем к католикам. Причина этого явления, по-видимому, заключалась в том, что с одной стороны члены нашей Императорской Фамилии почти всегда вступали в брак с лицами протестантского исповедания и что немцы у нас в императорский период нашей истории нередко занимали места и должности высших государственных чиновников, до канцлера включительно, а с другой — в самой рационалистической сущности протестантства, которую наши свободолюбивые интеллигенты легко могли отождествить с свободою; во всяком случае, им нравилось протестантское отрицание постов, монашества, иконопочитания, богослужебных обрядов. Не буду говорить о том, что, подобно католикам, и протестанты уже вскоре после смерти Лютера думали вести у нас широкую религиозную пропаганду. Подобно Поссевино, и лютеранский миссионер Рочита или Рокита (в 1570 г.) являлся к Грозному с целью обратить его в свою новоиспеченную веру. И царь имел терпение не один час

* Я, мало знающий Петербург, насчитываю здесь целых 17 протестантских кирок.

слушать его, причем предложил ему сидеть пред ним «на возвышенном месте, устланном богатыми коврами».

Но я не могу не отметить хотя некоторых фактов, ясно говорящих о том, что наша благосклонность к протестантству часто выражалась в форме явного унижения и даже угнетения православия. Благодаря благосклонному отношению к немцам Грозного, позволившего им в самой Москве выстроить три кирки, Феодора Иоанновича, Бориса Годунова (в особенности), Михаила Феодоровича и наиболее всех Петра, немцы скоро поналезли в Россию и с редким нахальством, как показывает дело Тверитинова, — стали вести здесь свою религиозную пропаганду, издеваясь над православием и восхваляя свое лютеранство. Архипастыри наши увидели себя вынужденными принять хотя какие-либо меры для ограждения православных от соращения. Впрочем, никаких мер в действительности принято не было. Дело ограничилось лишь тем, что тогдашний президент Св. Синода, митрополит рязанский Стефан, написал книгу («Камень веры»), в которой предлагал читателям критический разбор лютеранского вероучения. И что же? Чтобы не обидеть протестантов, представитель нашей церкви не мог издать в свет своего чисто-научного сочинения; оно было напечатано лишь двадцать лет спустя после его написания, когда его автора уже не было в живых. Спрашивается: кто в это время у нас больше нуждался в свободе вероисповедания: православные или протестанты? Отвечать на этот вопрос после сказанного мне нет нужды.

А что делалось в России при Анне Иоанновне или Петре III — тому трудно поверить. Управляющий в имении Шидловского немец Гофман донес на двух священников с Царевборисово (Изюмского уезда), что в частной беседе они обозвали лютеранскую веру «лжеучением», и за это в харьковском духовном правлении «либеральные» обличители протестантства «были биты плетью с пристрастием». Белгородский архиепископ Досифей также отозвался как-то невыгодно об учении протестантов, — и я никак не могу дознать, где находятся его кости. Неограниченную свободой вероисповедания и особым покровительством пользовались в России протестанты также и в царствование Александра Благословенного. В то время кафедру *православного* богословия в Харьковском университете чуть-чуть не занял один *протестантский* пастор, который имел покровителей в лице единоверных сановников в С.-Петербурге. Во всяком случае не недостатком веротерпимости

в России нужно объяснять то, что эта немецко-протестантская затея по удалась... Наши администраторы-немцы в должности министров, губернаторов, директоров гимназий не стеснялись унижать православие, когда только они этого хотели. Они приказывали православным священникам по-царски встречать их в церквях, лично во время литургии выносить им просфоры, поминать их на торжественных молебствиях. Директоры гимназий, по распоряжениям министерства, не только руководили религиозным воспитанием *православного* юношества, но не позволяли законоучителям в гимназических церквях произносить поучений без их предварительного одобрения. И я, будучи профессором Харьковского университета по кафедре *православного* богословия, обязан был представлять двум ректорам протестантского вероисповедания на предварительный просмотр каждую свою проповедь. Обер-Прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев был бессилен оказать мне помощь в этом отношении...

<...> Весьма поучительно и изучение современного состояния римско-католической и протестантской миссии — не в том только смысле, что мы изучаем врагов, с которыми, быть может, нам самим придется столкнуться, знакомимся с органами, средствами и способами их миссионерской деятельности, но в том, что мы можем многому поучиться у них, усвоить их тактику и миссионерскую методику, если найдем, что их тактика ведет к достижению положительных результатов и не противоречит христианской этике. Не один только вред приносят враги своим противникам, — иногда они оказывают им и пользу. Петр Великий благодарил шведов за науку. Быть может, и мы когда-нибудь скажем «спасибо» враждебным нам иноверцам. Будем верить в лучшее.

<...> Протестант из кожи лезет, восхваляя свою миссию, и нередко прямо клеветает и извращает факты, чтобы унижить миссию католическую, не находя ничего доброго и христианского в деятельности «папских прислужников», которым будто бы близка забота только о приобретении папе новых подданных, о расширении его власти, но ничуть не о том, чтобы распространять среди неверующих во Христа свет Евангелия. В свою очередь, не остаются в долгу пред протестантами и католики: о протестантской миссии они говорят вообще с крайнею враждебностью и иногда свою злобу доводят до того, что возмущают читателя и таким образом достигают результатов совершенно противоположных тому, на что они рассчитывали. Это неопустительно нужно иметь в виду всякому,

изучающему католические и протестантские исследования по вопросу о современном состоянии на Западе христианской миссии.

<...> Во всяком случае внешняя протестантская миссия представляет громадную материальную и нравственную силу, с которой считаться нелегко. А к этому нужно прибавить еще, что не только наша интеллигенция, но и низшие слои населения, особенно городские жители, не исключая ни мещан, ни прислуги, ни фабричных мастеровых, почти в большинстве, живут и мыслят уже по-протестантски и настроены в пользу протестантского учения, которое, как учение человеческое, легко примиряется и с рационалистическими воззрениями, и с похотливою чувственностью, не требуя от своих последователей ни жертв, ни подвигов, ни лишений. Не надо закрывать глаз, чтобы не видеть того, что у нас уже очень и очень многие, именующиеся пока православными, легкомысленно относятся к уставам Церкви Православной, к ее заповеди о постах, к ее обрядности и богослужениям. Не надо затыкать уши, чтобы не слышать того змеиного шипения, которое все чаще и громче раздается со стороны нашей интеллигенции, а еще более со стороны нашей атеистической и вакханальствующей печати против католического строя нашей церкви, против нашего церковного управления, против церкви «синодской». Такое настроение немалой части нашего общества может только облегчать путь протестантству к нам, как оно же содействовало у нас распространению толстовщины, пашковщины, штунды, баптизма, духоборчества и других подобных им сект протестантского пошиба... Но рядом с протестантством стоит ведь и другой наш непримиримый враг — пропаганда католичества, — враг, как мы видели, не менее могущественный, не менее энергичный, не менее опасный, чем и миссия многоголового протестантства.

С чем же и как мы встретим этих врагов, если им дано будет право свободной пропаганды среди православного русского населения?

Ставлю этот вопрос не для того, чтобы запугивать трусливых, а для того, чтобы возбудить борцов неустрашимых...

